

рое понятие, то воспринимает себя как движение: всякое выражение сознания есть движение.

Движение: вот в чем дело. Экспрессионизм открыл движение и знает, что покой, и равновесие, и колоссальная косность мира и судьбы суть лишь движения. И в конечном счете экспрессионизм лишь достигает самого изначального познания, когда говорит о своем мире:

Вначале было движение. Ибо и слово есть движение, и вначале было слово!

Перевод Н. Сироткина

Комментарий (Н. Сироткин)

Статья была впервые опубликована в журнале «Die Aktion», 1917, № 11/12, стлб. 146–150. Перевод выполнен по изданию: *Hatvani Paul. Versuch über den Expressionismus. In: Theorie des Expressionismus / Hrsg. von O. F. Best. Stuttgart: Reclam, 1976. S. 68–73.*

* «идея музыкального» (в шопенгауэровском смысле) — о месте музыки в философской системе Шопенгауэра см.: *Asmuth Ch. Musik als Metaphysik: Platonische Idee, Kunst und Musik bei Arthur Schopenhauer // Philosophischer Gedanke und musikalischer Klang. Zum Wechselverhältnis von Musik und Philosophie / Hgsg. von Ch. Asmuth, G. Scholtz und F.-D. Stammkötter. Frankfurt: Campus, 1999. S. 111–125.*

* «необычное сгущение» (Verdichtung) — здесь возникает неожиданная параллель к фрейдистскому понятию «сгущения» («Verdichtung») (книга «Толкование сновидений» вышла в свет в конце 1899 г.). Эта параллель подкрепляется и исследовательской литературой, см.: *Vietta S., Kemper H.-G. Expressionismus. 6. Aufl. München: Wilhelm Fink, 1997. S. 144–145.* Макс Пикар писал о том, что в экспрессионистском искусстве «на место психологии выдвигается психоанализ» (см.: *Picard M. Expressionismus // Theorie des Expressionismus / Hrsg. von O. F. Best. Stuttgart: Reclam, 1976. S. 77).*

* *ритм* — одно из ключевых понятий философской и эстетической программы авангарда (в русской среде см., в частности, труды В.В. Кандинского, А. Белого и др.).

* «...временная рефлексия произведения искусства» — эта фраза, следующая за утверждением о «собственном измерении времени», устанавливает скрытую параллель к Эйнштейновой теории относительности (об Эйнштейне речь у Хатвани пойдет в дальнейшем): ритм, по Хатвани, вносит такую же коррективу в «трехмерное» (ограниченное в старых эстетических категориях) понимание произведения искусства, как время — в опирающуюся только на трехмерное пространство модель физического универсума. — Показательный для тех лет интерес к теории относительности (см., например, интересный материал об этом в книге: *Relativitätstheorie und Weltanschauung: Zur philosophischen und wissenschaftlich-politischen Wirkung Albert Einsteins. B.: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1967*), в этом контексте свидетельствующий также о принципиальной возможности перенесения категорий физики в сферу эстетики.

* *вечного возвращения* — отсылка к книге Ф. Ницше «Так говорил Заратустра».

* *последний час натурализма* — очевидно, речь идет о «жизнеподобном» искусстве вообще (а не специально о натурализме как художественном направлении последней трети XIX века).

* *Новизна движения... описания* — контекст, который здесь следует учитывать, — коренным образом изменившееся в первые десятилетия XX века ощущение жизненного темпа (во многом обусловленное широким распространением новых технологий, средств связи, видов транспорта и ростом крупных городов). См. в связи с этим, например, главу под названием «Ускоренный темп, масс-медиа и их влияние на экспрессионизм» в *Vietta & Kemper (Op. cit. S. 110–134).*

* «психоцентрическая ориентация» мышления и ощущения — эстетическая и идеологическая программа экспрессионизма (как и других авангардистских течений) развивалась в контексте усилившегося в первые десятилетия XX века интереса к субъективно-идеалистическим течениям в философии, наиболее часто в этом ряду называют имена Э. Гуссерля и А. Бергсона. См., например: *Fellmann F. Phänomenologie und Expressionismus. Freiburg; München: Alber, 1982.*

Курт Хиллер

О МЕСТЕ АКТИВИЗМА

[...]

Активизм: тот, кто утверждает, что это слово — лозунг, говорит истину. [...] Лозунг описывает некоторое положение дел, и, презрительно называя обозначающее его слово «лозунгом», это положение дел затронуть нельзя.

Но что же означает это слово? Если бы речь шла о чем-то мертвом, уже исторически застывшем, то можно было бы, будучи наполовину уверенным, показать его объективную сущность. Устоявшееся можно установить; но то, что еще находится в живом потоке, — ? Положение дел, о котором идет речь, — не положение «дел», а нечто духовно-органическое, живет и находится в движении, незаметно, с каждым часом меняет краски и очертания, даже если и ядро его остается неизменно — кто может знать это? ведь никто его не видит. Выявить его — предположим, что это удалось бы, — значило бы вивисектировать организм тончайшей, а именно духовной природы; и мы нашли бы лишь, что это ядро не является субстанцией, чем-то самостоятельно-«сверхличным», а напротив — тем общим, что объединяет ядра множества духовных единиц. Ведь именно это — скажем заранее — отличает активизм от множества прочих учений: он — не догма, которую гениальная индивидуальность силой навязывает другим, но тождественная с самого начала устремленность различных людей, общий способ мышления, общий выбор. Это единство, даже если оно может и, я полагаю, должно стремиться к формулированию в виде программы, никогда не возникло бы, если бы кто-нибудь захотел создать его на основании твердой программы. Движение, о котором здесь идет речь, еще находится в предпрограммной фазе¹; если когда-нибудь историк и займется поиском дефиниции для мертвого активизма, то пусть понятие о живом определяет лишь тот, кто живет им: активист — с позиции своей абсолютной субъективности, не неизбежной субъективности своего видения, но напротив — осознанной субъективности своей воли. Активист скажет, в каком отношении он находится ко всем глубоким и важным вопросам реакции на бытие, к направлениям и установкам, партиям и школам, — и его признание больше скажет об активизме, чем любая попытка объективного диагноза. Активист определит свое место на духовном небосводе; это будет его наилучшим ответом на вопрос о месте активизма.

Активизм, будучи моралью активности, на первый взгляд имеет формальный характер; ведь призыв к действию умалчивает, что следует делать. Активист и, например, пангерманист — сторонник насильственной политики, несомненно, оба увидят в самодостаточной созерцательности своего врага. «Вы должны не созерцать, вы должны воздействовать», — под этим лозунгом мог бы подписаться как Рубинер, так и... Ревентло*. Но мы переходим к содержанию уже тогда, когда соотносим активность с ее ближайшим антиподом — с пассивностью. Активизм против пассивизма: не принимать судьбу (ни социальную, ни природную) с индийской отрешенностью; восставать против них, подобно Прометею. Решительно покончить с привычкой быть жертвой обстоятельств; не страшиться усилий, необходимых для господства над обстоятельствами. По меньшей мере со-господства. Воля одного может мало; воля соединенных — все. Поэтому активист — враг отшельничества и чудачеств, солипсизма и

¹ Статья была написана в июне 1918 года! (Прим. авт.)

сектантства; поэтому активист социалист... если не смешивать священное имя социализма с мещанской классовой борьбой. «Социализм» — это не взгляд на мир профсоюзного секретаря Пифке*, не дикость красных экспроприаторов, не учение тех уютных марксистов, которые отрицают дух и проповедуют, что развитие совершается само собой благодаря промышленности. Социализм — не партийная доктрина, но образ мыслей; это устремленность души к братству. Аристократическим социализмом была бы устремленность души высших людей к объединению высших людей. И поскольку высший человек — лишь тот, кто ставит целью своего духовного стремления счастье всего человечества, какими бы то ни было путями, — постольку аристократический социализм может основываться на весьма демократических тезисах (при всей независимости от неразборчивых братаний).

Активизм упрекали и в том, что он будто бы является эвдемонизмом*. Этот упрек — убогий комариный укол — внушен давно устаревшей схоластикой! Нет цели превыше счастья (всякой плоти и всякой души); но то, что активистский эвдемонизм имеет в виду какое угодно блаженство, только не частное блаженство ненаглядного «Я», — это, кажется, может понять и глухой. Активизм разжигает в человеке пламя, зовущее к борьбе за счастье всех — если потребуются, ценой собственной жизни. И, кстати, он устремлен ко вполне земному спасению и отвергает эскапистскую проповедь попов и безответственных людей, пытающихся путем трансцендентных фокусов и надувательства внушить «сознание» блаженства последнему из жалких, обиженных и убогих.

Социализм и эвдемонизм активистского толка провозглашают: объединение с целью... под знаменем спасения жизни и по принципу справедливости (которая не тождественна равенству). Задача в том, чтобы усовершенствовать вещи — посредством усовершенствования душ; тот, кто сомневается в успехе воли объединенных людей — воли к изменению, — тот, кто считает себя обязанным априори отрицать возможность этого успеха, тот должен по меньшей мере отказываться от всяких слов о нравственности. Лишь тот, кто верит в свободную волю, то есть волю, подчиняющуюся духу, — лишь тот имеет право когда-нибудь сказать «вы должны»; тот же, кто говорит «вы должны», берет на себя обязательство призывать: «Хотите». Разумеется, с точки зрения причинности воля несвободна; но какое волящему дело до причинности? Смотреть с точки зрения причинности значит смотреть назад; наша устремленная вперед воля чувствует в себе свободу для постановки целей. Она ставит их, она стремится к ним, она достигнет их. Не твоя воля, не моя воля, но воля нашего типа победит. Поэтому активист — волюнтарист. Он мыслит не причинно, как интеллектуалист, не в категориях причины и следствия, но телеологично, в категориях средства и цели. Он не исследует, но требует; он не объясняет, он приказывает; он не занимается раскопками, он возводит здания до небес. Какое ему дело до конечной причины? Его влечет конечная цель. Ключевая точка его духовного усилия — не естественная история творения, но — рай.

Будущий рай, само собой. Активист враждебен и пассивности, и пессимизму. Из истории он не желает учиться ничему — кроме того, что ее делали субъекты, не заботившиеся об истории. Активист — это футурист (скажем, несмотря на опасность смешения понятий). Он никогда не заботится о том, что было; всегда о том, что будет; но то, что будет, силой разумных существ следует привести в соответствие с тем, что должно стать; в этом задача; и то, что должно стать, никак нельзя вывести из того, что есть. Историзм, позитивизм, эмпиризм — давно и закономерно аннулированные предактивистскими движениями (в частности, неокантианством), но в действительности все еще остающиеся у власти, — станут целью его ожесточенного наступления.

Он рационалист, то есть: из сферы того, что должно быть, он исключает в качестве центрального ориентира опыт и включает в нее разум — хотя и полностью признает, что разум не может основываться на пустоте, напротив, материалом должен быть обрабатываемый разумом опыт. Натуралист (в области теории морали) провозглашает бессилие разумного существа перед природой; рацию означает: заговор разумных существ против природы... всюду, где природа «зла», то есть противится нравственной воле разумного существа. [...]

Жизнь — предпосылка всех благ; в том числе и наивысшего. Окружите же ее защитой со всех сторон! Государство — не самоцель; территория, которой оно может обогатиться, — куча навоза; человеческая жизнь, которую оно может потерять, — целый мир. Государство, ведущее войну при помощи вынужденных к этому людей, — извращение собственной идеи. Силой рацию добьемся долгого мира на земле! Установление мира во всем человечестве благодаря империи народа — чудесная фантазия! Но до тех пор, пока народы спорят о том, кому должна принадлежать честь выполнить эту задачу, империализм каждого из народов остается для других угрозой миру. Следовательно, империализм — враг тех людей, которые хотят жить. Следовательно, империализм — враг людей. Только взаимопонимание и самоограничение наций, только распространение морали, признанной в отношениях между людьми, и на отношения между государствами (например, не решать спор дракой, но улаживать его в суде), только понимание нравственной необходимости уступить часть собственной физической силы в пользу общего, то есть необходимости высшую независимость отдать сообществу наций, точнее: исполнительному органу сообщества наций, подчиняющемуся международным соглашениям, — лишь такое устранение анархии в отношениях между государствами, лишь такое преобразование их принципиального противосуществования в сосуществование может принести вечный мир.

Это значит, что активист при всех обстоятельствах — пацифист. «Утопия!» — он отказывается признавать за этим идиотским высказыванием свойство упрека. Ведь топическое, то есть уже существующее, не требует сотворения! Всякая мысль о должном устремляется к данностям, которые пока не-есть; лишь утопическое мышление значительно и достойно. Все прочее — описание, повторение, жалкое пережевывание материала, из которого сотворен мир. И слова о «недостижимости» целей — это всегда лишь клевета людей, заинтересованных в том, чтобы воля не достигла этих целей.

Разумеется, без железной воли не вызвать к жизни нежелезный век! Активист, враг войны, — сторонник борьбы. Терять собственные очертания, хныкая и тоскуя, конечно, с благими намерениями, — не его занятие; поэтому и обращается он главным образом не к тем, кто этим занимается. Он пытается разбудить стремление к раю в самых воинственных натурах, именно их он призывает к священной борьбе. Тем, слабым духом, которые падают сегодня под ударами дьявольской силы, никогда не обрести небесной силы; но сильный дьявол может стать сильным ангелом. Разжечь пацифистское пламя в самых крепких, самых устойчивых — вот великая задача! Достойная самого удивительного активистского чуда! Не давать усталому спокойную совесть, оправдывающую его усталость, — нет, боевой пыл в справедливой войне!

Перевод Н. Сироткина

Комментарий (Н. Сироткин)

Статья была впервые опубликована в альманахе «Die Erhebung. Jahrbuch für neue Dichtung und Wertung», Bd. 1. B.: S. Fischer, 1919. S. 360–365. Перевод выполнен